

ВОСТОК И ЗАПАД В НАЧАЛЕ НАШЕЙ ЭРЫ

ГОСУДАРСТВО АРДАШИРА I ПАПАКАНА И ЕГО ОПОРЫ

Д.Е. Мишин

Центр арабских исследований
Институт Востоковедения Российской Академии Наук
ул. Рождественка, 12, Москва, Россия, 103031

Статья посвящена важнейшему, переломному моменту в истории раннесредневекового Ирана — времени правления Ардашира I Папакана, основателя государства Сасанидов. Цель работы состоит в том, чтобы выявить социальные и политические силы, служившие опорой новому государству, исследовать их взаимодействие. Работа построена на сравнительном анализе данных, дошедших из сасанидского времени, и сведений более поздних нарративных источников.

Ключевые слова: раннесредневековый Иран, Ардашир I Папакан, Сасаниды, сасанидское время, нарративные источники.

Ардашир Папакан (Ардашир I), основатель Сасанидского государства (1), в средние века считался наиболее достойным представителем доисламского Ирана. Для зороастрийцев его имя фигурировало даже в божественном откровении; в трактате *Бахман-Яст* приводятся вкладываемые в уста Ахура-Мазды слова о том, что Ардашир — человек, который упорядочил и восстановил мир (2). Время Ардашира считали «серебряным веком», уступавшим только «золотому» — времени первоначального принятия зороастризма Гистаспом (3). В литературе исламского Ирана сохранилась история о том, как в середине VII в. мусульмане спросили какого-то хирбеда (служителя зороастрийского храма) о том, кто лучший царь прежних времен, и тот без колебаний назвал Ардашира (4).

Ардашир, несомненно, являлся замечательной исторической личностью. Он покончил с раздробленностью Ирана, объединил страну и создал империю, которая в течение нескольких столетий представляла собой одну из наиболее значительных политических сил Ближнего Востока. Но создание такой державы было, разумеется, невозможно без поддержки влиятельных политических и социальных сил, заинтересованных в ее могуществе. Настоящая работа представляет собой исследование того, на какие силы опиралось создаваемое Ардаширом государство.

Эти силы столь многочисленны, что их можно разделить на несколько групп. К одной из них принадлежит персидская знать, поддержавшая Ардашира в период борьбы против парфян. В греческой версии истории Агафангела, созданной в первой половине V в., выступление Ардашира начинается с того, что он прямо призывает персидскую знать восстать против парфянской династии Аршакидов, а она принимает его призыв:

«Ардашир, восстав, собрал знатных людей персов и ассирийцев и совещался с ними несколько дней, [а затем] поднялся среди них и сказал: „О достойнейшие из персов и ассирийцев! Издавна знаем мы высокомерие парфян, которые грабят то, что другим достается тяжким трудом, похваляются тем, что творят беззакония, и непрестанно убивают без всякой причины. Парфяне, явившись к нам из страны варваров, гнушаются персидских мужей и ассирийцев. Так что скажете? Если мои слова ложны, то пусть он (парфянский царь. — Д.М.) по-прежнему правит и бесчинствует. Если же что-то из того, что я сказал — правда, тогда двинемся в бой. Ведь лучше умереть, чем быть слугами несправедливого господина.“ Персидские вельможи приняли эти слова благосклонно, ведь они стремились освободиться от парфян и [хотели,] чтобы царь был из их племени. И вот, они сказали Ардаширу: „Ты — наш вождь и на словах, и в делах. Мы испытали твои достоинства и знания, и нам хорошо известно, что ты обладаешь достоинствами и искусством править. Итак, благоволи делать то, что захочешь, а мы будем следовать твоим словам и делать то, что будет полезным и для тебя, и для нас“» (5).

В армянской версии истории Агафангела этот сюжет отсутствует, однако сообщается, что персидское войско «покинуло, оставило и пренебрегло властью парфян и с радостью дало предпочтение правлению Арташира, сына Сасана» (6). Аналогичные сведения обнаруживаются впоследствии у более позднего армянского автора, Ухтанеса Эдесского (писал между 972 и 992 гг.) (7).

Имела ли персидская знать основания поддержать выступление Ардашира? В парфянское время персы продолжали иметь собственных правителей, которые, однако, подчинялись Аршакидам. Такую картину рисует, например, Страбон (8). О положении персидских правителей можно судить по рассказам об отце Ардашира — Папаке. На основании того, что, по всей вероятности, с его времени Сасаниды начинали отсчет лет своего правления (9), можно предполагать, что он носил царский титул. Однако в отношениях с парфянами он был лишь назначенцем (*гумардак*) Аршакидов, наместником области (*марзбан*) (10). Подчиненное положение очевидно тяготило персов, и они пытались освободиться. Об одной из таких попыток рассказывается в «Арбельской хронике», согласно которой только отчаянная храбрость воинов помогла парфянам разбить объединенные силы персов и мидийцев (11).

Во времена Ардашира положение было не менее напряженным. В персидском географическом своде *Шахрастанха-йе-Ираниахр* (Столицы областей Ирана) содержится указание на то, что основателем города Истахр, из области которого, заметим, происходили Папак и Ардашир, был Ардаван (12). Эти сведения, как представляется, относятся к последнему парфянскому царю Ардавану — будущему главному противнику Ардашира. В «Книге деяний Ардашира, сына Папака»

(*Карнамак-и-Ардашир-и-Папакан*), созданной в первой половине VII в., прямо указывается, что Истахр был резиденцией Ардавана (13). Судя по данным о столице Ардавана во время его царствования (см. ниже), он пребывал в Истахре до вступления на престол, скорее всего — как наместник.

Стремление парфян укрепиться во внутренних районах Ирана вполне понятно. С одной стороны, еще до начала правления Ардавана, когда столица парфянского государства — Ктесифон — была взята и разграблена римским императором Септимием Севером (193—211) (14), стало ясно, что держать жизненно важные центры на западе небезопасно. Показательно, что подобному подходу следовал затем и Ардаван, который, вступив на престол, предпочитал держаться подальше от западных районов. Это стремление, несомненно, окрепло в нем после того, как император Антонин Каракалла (211—217) взял город Арбелу, где римляне разорили усыпальницы парфянских царей (15). Сведения о резиденции Ардавана противоречивы. По одним сведениям, она находилась в Рее, по другим — у последнего Аршакида было две столицы: летняя в Исфакхани и зимняя в Хузестане (16). Заметим, однако, что во всех случаях столица располагалась довольно далеко от районов, которым могли угрожать римляне. С другой стороны, после столкновения, о котором упоминается в «Арбельской хронике» (см. выше), парфяне, несомненно, были заинтересованы в предотвращении подобных выступлений, и лучшим средством для достижения этой цели была консолидация их власти в исконно персидских землях.

Укрепление Аршакидов в Истахре имело немаловажный политический аспект. Вместе с царем прибывали двор, войско, чиновники; город находился под властью верного парфянам человека. Это, несомненно, влекло за собой усиление парфянского вмешательства в дела исконно персидских земель и, как можно предполагать, негативную реакцию персов. Этот мотив, заметим, присутствует у Агафангела, когда Ардашир в его тексте с негодованием говорит, что парфяне явились к персам из страны варваров. О том, что такое вмешательство было неприемлемо для персидской знати, свидетельствуют рассказы источников о действиях Папака. Согласно ат-Табари (839—923), Ардашир, овладев городом Дарабгерд, написал отцу, увещевая его выступить против верного парфянам правителя Истахра. Папак так и сделал (17). Внутренняя готовность к выступлению, таким образом, уже сформировалась среди персидской знати.

Здесь, разумеется, следует избегать упрощений. Отношение персидской знати к Ардаширу и его выступлению против парфян было неоднозначным. Да, Агафангел говорит о поддержке Ардашира персидской знатью. Но для средневековых армянских авторов характерно видение этих событий как борьбы «своих» — армян и парфян — против «чужих» — персов. Неудивительно, что персы в подобных текстах записываются в союзники Ардашира. В то же время отказывать сообщению Агафангела в достоверности нет никаких оснований. Описанная им сцена не могла не произойти: без поддержки со стороны персидской знати выступление Ардашира просто не состоялось бы. Логично предполагать, что к сподвижникам Ардашира относились прежде всего те, кто каким-либо образом по-

страдал от власти парфян. По изложению «Книги деяний Ардашира» первыми, кто примкнул к нему и принес клятву на верность, были люди, потерпевшие обиды от Ардавана (18). Но так далеко шли не все. Некоторые, насколько можно судить, хотели только покончить с засильем парфян в персидских землях, признавая одновременно верховную власть Аршакидов. Тот же Папак, убив верного парфянам правителя Истахра, написал Ардавану, прося его разрешить передать власть над областью его старшему сыну Шапуру (19). Отец Ардашира, тем самым, не шел дальше создания новой династии удельных правителей под формальным верховенством парфянских царей. Многие представители персидской знати вообще не поддержали Ардашира и, согласно Агафангелу, в начале борьбы между ним и Ардаваном находились в лагере последнего (20). Другие преследовали собственные интересы, выступая, в зависимости от ситуации, то за, по против Ардашира. Наиболее ярким примером такой позиции является Михрак, один из удельных правителей Фарса, который первоначально встал на сторону Ардашира, но в трудный момент повернул против него (21).

Различия в умонастроениях персидской знати объясняют значительные трудности, которые встретил на своем пути Ардашир в деле объединения Фарса под своей властью. Но, по мере того, как Ардашир одерживал победы, противники гибели, бежали или переходили на его сторону. В конечном итоге персидская знать стала поддерживать Ардашира, превратившись в важнейшую опору его государства. Следует отметить, что для многих авторов, включая римского историка Геродиана, современника Ардашира, государство последнего было прежде всего государством персов, которым он вернул власть, отнятую у парфян (22).

Другой опорой Ардашира стали перешедшие на его сторону парфянские знатные роды. В государстве Аршакидов ведущие роли играли роды каренов, суренов и испахбадов, происходившие от той же ветви, что и царский род арташесов. По сообщению армянского историка Мовсеса Хоренаци (Моисей Хоренский, род. около 410 г., умер в 490 г.), после гибели Ардавана сурены и испахбады, т.е. младшие роды, объединились против старшего — каренов — и поддержали Ардашира, вступив в союз с персами (23). Данные сведения подтверждаются некоторыми данными о дальнейшей судьбе этих родов, насколько ее можно восстановить по источникам. В надписи наследника Ардашира Шапура I, сделанной в честь победы над римлянами в 260 г., среди сподвижников основателя династии называется Сасан Сурен (24). Столетие спустя род достиг таких вершин, что, по замечанию Аммиана Марцеллина (ум. в конце IV в.), Сурен уступал влиянием лишь царю (25).

Сложнее ситуация с каренами. Согласно Моисею Хоренскому, они так и не подчинились Ардаширу и продолжили борьбу, что вызвало почти полное истребление рода персами. Нельзя, разумеется, отрицать, что в борьбе могли погибнуть многие представители рода. Но едва ли следует воспринимать эти сведения буквально. В указанной выше надписи Шапура I мы видим среди приближенных Ардашира двух каренов — Пероза и Гоока (26). Таким образом, даже если Ардашир, встретив сопротивление, действительно решил истребить непокорный род,

на каком-то этапе компромисс был найден, и карены не только выжили, но и пошли на службу к новому повелителю. Обращает на себя внимание то, что в надписи Шапура упоминаются два карена и только один сурен.

Наряду с представителями персидских и парфянских родов опоры Ардашира составляли признавшие его верховенство местные правители. Политика Ардашира по отношению к ним заслуживает отдельного исследования. Насколько можно судить, Ардашир в принципе отвергал раздробленность страны, которая к моменту его выхода на историческую сцену находилась под властью многочисленных (27) удельных правителей, формально подчинявшихся Аршакидам. В персидском трактате «Сотворенный религией» (*Динкард*) прямо говорится, что «царь царей Ардашир [полагал, что] ему, для его власти, унаследованной от отцов и дедов, раздробленность мало подходит в правлении» (28). В средневековых исторических произведениях эпоха правления Ардашира обычно разделяется пополам, причем первую половину составляет время борьбы против удельных правителей, за создание централизованной империи. Сопротивлявшимся Ардашир безжалостно уничтожал; по сообщениям средневековых авторов, число правителей, погибших в борьбе с ним, исчислялось десятками (29). О том, что происходило на уровне отдельных местностей, можно судить по рассказу «Арбельской хроники», согласно которой персы победили всех сопротивлявшихся им царей Востока и заменили их своими наместниками (30).

Данные нарративных источников подкрепляются некоторыми выводами, которые можно сделать на основе надписи Шапура. Среди людей, правивших в Иране во времена Ардашира, называются Сатаропт (очевидно — Шатрапат, т.е. в современном произношении — Шахрбад), царь Авринаха (31), а также цари Мерва, Кермана и Сигана (видимо — Сиджистан, т.е. Систан), каждого из которых зовут Ардашир. Примечательно, что в надписи имена этих людей помещены первыми; за ними следует мать Папака Диник (32). Маловероятно, чтобы подчиненные цари упоминались в официальной надписи прежде членов правящего рода. Логично заключить, что все названные цари принадлежали к роду Сасанидов. Это в некоторой степени соответствует данным нарративных источников, согласно которым Ардашир, подчинив себе Керман, поставил править этой областью своего сына, тоже Ардашира (33). Сделанный вывод вызывает в памяти замечание византийского историка Агафия Миринейского (род. около 536—537 г., ум. в 582 г.) о том, что персидские цари, «подчинив войной большой и живущий в обширной стране народ и овладев его землями... жесточайшим образом устраняют его прежних правителей и вместо них провозглашают властителями своих сыновей, дабы возвеличить победу над врагами» (34). Слова Агафия относятся к другому времени, но из изложенных сведений ясно, что эта политическая традиция была заложена именно при Ардашире.

И тем не менее, видеть в действиях Ардашира только войну на уничтожение против удельных правителей было бы неправомерно. В ряде источников сообщается, что до начала активных действий Ардашир посылал возможному противнику письмо, предлагая добровольно подчиниться его власти (35). Одно из таких

писем послужило, видимо, прототипом знаменитого «послания Тансара» к правителю Табаристана и ряда сопредельных территорий Гушнаспу, персидский перевод которого, сделанный с арабского перевода, приведен в историческом своде Ибн Исфандияра. Вокруг этого текста и его автора ведется научная дискуссия, которая заслуживает отдельного исследования. Трудно не согласиться с тем, что «послание» изобилует позднейшими вставками. Но заслуживают внимания слова Ибн Исфандияра о том, что Гушнасп, получив «послание», счел за благо признать над собой верховную власть Ардашира и служить ему, в награду за что получил свои владения в удел. Потомки Гушнаспа правили ими до конца V — начала VI в. (36). Едва ли и сам Ардашир, и его преемники потерпели бы, что рядом с ними правит династия, власть которой основана на откровенной фальшивке. Думается, факт переписки Ардашира и Гушнаспа едва ли должен вызывать сомнения. Какое-то из писем Ардашира убедило Гушнаспа покориться, а затем, после ряда переработок, приняло вид «послания Тансара».

Источники дают нам и иные примеры того, как удельные правители добровольно признавали власть Ардашира. В «Книге деяний Ардашира» мы находим упоминание о правителе Шахризора Язданкарде, который подчинился персидскому царю (37). Ат-Табари сообщает, что Ардаширу без боя сдались цари Кушана (Бактрия), Турана (38) и Мукрана (39). Относительно «Кушана» эта информация в некоторой степени соответствует сведениям Моисея Хоренского, согласно которому когда правители Армении обратились в «страну кушанов» с предложением совместно выступить против Ардашира, они получили отказ, так как местные властители предпочли союз с персидским царем (40). Можно, конечно, оспаривать реальности посольства в Бактрию (слишком велики расстояния), однако греческий текст Агафангела содержит почти такой же сюжет с той лишь разницей, что действие происходит куда ближе к Армении (41). Удельные правители, таким образом, не просто подчинялись Ардаширу формально, но (разумеется, не без исключений) держали взятое слово.

Весьма интересные наблюдения можно сделать на примере сирийской истории о мучениках из Тур Брэйи. Согласно этому источнику, в IV в. в местности, расположенной по течению Малого Заба (недалеко от Киркука в современном Ираке), повсеместно правили мелкие властители, подчиненные персидскому царю. В сирийском тексте эти люди именуется «главами земель» (*ришане з-атравата*) (42). Это название точно соответствует среднеперсидскому *катак-х(в)атайан* (перс. *кадходайан*), как в «Книге деяний Ардашира» именуется удельные правители Ирана (43). В арабских источниках это понятие употребляется в виде *мулук ат-таваиф* (правители общин), причем оно применяется для обозначения времени раздробленности, как обычно характеризуется эпоха Аршакидов. Власть удельных правителей в области, таким образом, осталась, и единственное изменение состояло в том, что они подчинились персидскому царю.

О сохранении удельных правителей свидетельствует и тот факт, что *катак-х(в)атайан* несколько раз упоминаются в надписи сасанидского царя Нарсе (293—302), в которой повествуется о его приходе к власти (44).

Подчинение удельных правителей Ардаширу сопровождалось установлением границ их владений. Повествуя о политике Хосрова I Ануширвана (531—579) на Кавказе, ал-Масуди (ум. в 956/7 г.) сообщает, что он «расселил там народы, поставил царей, за которыми закрепил определенное положение, пометил каждый народ отличительным знаком и установил для него границы, как сделал Ардашир, сын Папака, когда установил определенное положение для царей Хорасана» (45). О том, что при Ардашире в Персии возводились межевые знаки, упоминает, правда, мимоходом, Моисей Хоренский (46). Эти меры, явно направленные на предотвращение территориальных споров между правителями отдельных местностей, достигли, кажется, желаемого эффекта. Во всяком случае, такие споры в источниках не просматриваются совершенно.

Привлекая к себе местных правителей, Ардашир действовал весьма осторожно. Имеющиеся сведения наводят на мысль о том, что он стремился предотвратить появление на местах стремления к независимости, которое, как показывал опыт борьбы за объединение страны, могло возникнуть в любой момент. Большое внимание Ардашир уделял будущим правителям подчиненных ему государств. В описаниях пиров Ардашира мы часто видим рядом с ним «сыновей царей» (47). Нетрудно понять, что оказаться на пиру у царя они могли только пребывая при дворе. Именно об этом говорится в одном фрагменте «послания Тансара», который если и не относится прямо ко временам Ардашира, то во всяком случае показывает принятую у Сасанидов традицию:

«Передавать царскую власть по наследству мы не даем, так как предоставили другие места [в государственной иерархии] (*маратеб*). Все царевичи должны по очереди бывать при дворе. Давать им какое-либо место не следует. Ведь если они станут доискиваться места, возникнут [между ними] соперничество, споры и пререкания» (48).

Данный фрагмент очень напоминает то, что мы знаем о молодых годах Ардашира: сам он служил у одного парфянского сановника, а стать наследником престола можно было только с санкции царя (49). Думается, что установленная Ардаширом система воспроизводила парфянскую и выглядела следующим образом. Сыновья удельных правителей в юности пребывали при дворе царя, где им поручали какую-то службу. Царь определял среди них наиболее достойных. Тот, на кого падал выбор царя, становился затем правителем области. Этот выбор, как нетрудно понять, был обусловлен не только деловыми качествами человека, но и его преданностью суверену. Такая система, по крайней мере теоретически, должна была обеспечить положение, при котором преемником любого местного правителя становился человек, верный Ардаширу.

Важным союзником Ардашира стало зороастрийское духовенство. Здесь простор для сближения оказался весьма широким. Прежде всего, глубоко религиозным человеком предстает перед нами сам Ардашир. Видимо, какую-то роль сыграло здесь воспитание. Дед Ардашира был священнослужителем (хирбедом) в храме богини Анахиты (50). Впоследствии Ардашир ревностно почитал эту богиню и отсылал в ее храм головы убитых противников (51). Интересно, что по некото-

рым данным Ардашир и сам время от времени выступал в роли священнослужителя. Агафий Миринейский писал, что Ардашир «вдохновенно предавался священнодействиям магов и сам вершил таинства» (52). В одном арабском источнике мы обнаруживаем скорее всего апокрифичный, но тем не менее довольно показательный текст послания Ардашира, где тот называет себя мобедам (53). Интересно, что и здесь данные поздних источников соответствуют тому, что дошло до нас из времени Ардашира. На монетах Ардашира появляется изображение священного зороастрийского огня, а сам царь именуется *наваз*, что интерпретируется как «взывающий [к богам]» (54).

Будучи верующим человеком, Ардашир собирал к себе зороастрийских священнослужителей, спрашивал их совета. Об этом прямо говорится в *Динкарде*: «Он (Ардашир. — Д.М.) сказал, чтобы знатоки религии явились к нему — а это были знатоки религии, имевшие понятие о том, как сотворить миру благо, вернуть ему великолепие и блеск» (55). По иным сведениям, обнаруживающимся в одном более позднем источнике, Ардашир пировал два раза в неделю: один раз — со знатью, другой — с мудрецами (56), которые, учитывая его мировоззрение, вероятнее всего были представителями зороастрийского духовенства.

Источники, к сожалению, не сохранили сведений о том, как отнеслось зороастрийское духовенство к действиям Ардашира по объединению страны (57). Об этом можно судить только по некоторым косвенным сведениям, которые, кажется, указывают на то, что Ардашир пользовался поддержкой духовенства. Эпоха Аршакидов предстает в источниках как время развившегося в персидских землях равнодушия к наукам и мудрости (58), носителями которых выступали мобеда и хирбеда, и Ардашир с его любовью к религиозному знанию должен был вызвать симпатии последних. Еще более важным представляется то, что в источниках, созданных в среде зороастрийского духовенства, Ардашир предстает как человек, который восстановил прежнее, лучшее общественное устройство и вернул Ирану былое великолепие (59). Видимо, священнослужители с благодарностью помнили Ардашира таким потому, что он претворял в жизнь их идеал государства как мощной централизованной монархии, основанной на учении зороастризма и с правоверным царем во главе. Этот идеал, возникший в прошлом, был утерян, и теперь Ардашир восстанавливал его.

Для зороастризма правление Ардашира ознаменовалось прежде всего унификацией религиозного учения. В источниках это обычно представляется следующим образом: в результате походов Александра Македонского многие священные книги зороастрийцев погибли, и Ардашир, придя к власти, распорядился собрать уцелевшие списки, на основе которых были созданы канонические тексты.

«По сообщению, сказанному предками, царь царей Ардашир Папакан, явившийся, чтобы восстановить великолепие иранской монархии, передал все находившиеся в рассеянии списки одному мудрецу, праведному вероучителю Тосару, бывшему хирбедам. Тот, придя, дал ясное суждение, основанное на Авесте (60). И он (Ардашир. — Д.М.) приказал отделить от этого ясного суждения все остальное. Он повелел также как следует распространить для сведения списки образца,

созданного в результате изложения учения на основе сокровищ (61) и светлых основ, содержащихся в Шаспикане» (62).

Действия Ардашира имели, кажется, и политический аспект. Унификация религиозного учения создавала духовную общность людей, являясь тем самым одной из предпосылок объединения страны под властью одного правителя. Вот как это представляется в арабском историческом своде Мутаххара ал-Макдиси (писал около 966 г.):

«Когда к нему (Ардаширу. — *Д.М.*) перешла власть, он приказал мудрецам (63) собрать то, что они могли собрать из книг по их религии, которые были сожжены, устранить расхождения между ними и сделать образцовые списки: ведь ничто кроме религии не объединяет враждующие сердца и противоположные движения... И он направил послания к близким и далеким царям, веля им держаться правильных религии и преданий (64) и предостерегая их против мятежа против него и несогласия с ним» (65).

Установлением канонической доктрины, следование которой стало, таким образом, обязательным, дело не окончилось. Унификация проводилась и в организационном плане. Согласно ат-Табари, Ардашир, одержав победу над сторонниками выступавшего против него брата Шапура и сделавшись главным в роду, назначил верховным мобедем человека по имени *Фах.р* (66). Последний, видимо, занимал этот пост длительное время: в персидском трактате «Свод историй и повествований» (*Муджмал ат-таварих ва-л-кисас*), созданном в 1126/7 г., верховным мобедем эпохи Ардашира назван *Мах.р* (67). В арабо-персидском письме различия между *Фах.р* и *Мах.р* слишком незначительны, чтобы сомневаться в том, что речь идет об одном и том же человеке.

Назначение верховного мобеда само по себе предполагало установление иерархии в среде духовенства. О таких мерах говорит в своем историческом своде ас-Саалиби (писал в первой трети XI в.), согласно которому Ардашир ввел разряды для мобедев и хирбедов (68). Более того, в «Арбельской хронике» мы встречаем указание на то, что в те земли, которые Ардашир подчинил силой, направлялись не только наместники, но и мобеда (69). Тем самым, зороастрийское духовенство было задействовано для проведения курса на политическое и религиозное объединение страны и претворяло его в жизнь наряду с властями.

Такое партнерство между государством Ардашира и духовенством — характерный мотив для персидской литературы. В «Завете Ардашира Папакана», сохранившемся в нескольких арабских трактатах, царю приписываются следующие слова:

«Знайте, что царская власть и религия — братья-близнецы, и ни одна из них не имеет опоры без другой. Ведь религия — основа царской власти, а царская власть — страж религии. Царской власти необходима основа, а религии — страж, ибо то, что лишено стража, пропадает, а то, что не имеет основы — разрушается» (70).

Наиболее ранняя передача этого высказывания встречается в источнике IX в. — трактате Ибн Кутайбы (828—889). Можно, конечно, на этом основании

отрицать его достоверность, утверждая, что оно было приписано Ардаширу «задним числом». Но источники показывают, что Ардашир действовал вполне в духе приведенного высказывания. Начиная с эпохи правления Ардашира влияние зороастрийского духовенства заметно возросло, что дало Агафию Миринейскому основание заметить: «с того времени племя магов усилилось и возгордилось» (71). Логично предполагать, что зороастрийское духовенство, снискав значительное влияние благодаря государству, в дальнейшем составляло одну из важнейших его опор. Олицетворением этой тенденции был известный мобед Кардир (Картир), деятельность которого заслуживает, правда, отдельного исследования.

Государство опирается на поддержку определенных политических и социальных групп, но правителя при этом всегда окружает группа ближайших сподвижников. В надписи Шапура перечислены имена некоторых из них (72), но более подробных сведений о том, кем были эти люди и как они служили Ардаширу, мы, как правило, не имеем. В отдельных случаях, однако, нам удается напасть на их след через упоминания в других источниках. Так, упомянутый в надписи Абурсам Артаксаруфр (Ардашир-фарр), по всей вероятности, тождествен с человеком по имени *Аб.р.сам р.х.ф.р.*, о котором рассказывает ат-Табари. По словам последнего, Ардашир назначил Абурсама высшим сановником (в арабском тексте для этого употребляется понятие «визирь») на очень раннем этапе — сразу после того, как в борьбе за отцовское наследство одержал победу над своим братом Шапуром, то есть еще до противостояния с Ардаваном. Ат-Табари кроме того сообщает, что Ардашир предоставил Абурсаму свободу действий и наделил его большими полномочиями (73). Окончание карьеры Абурсама иллюстрируется тем, что он был включен в почетный список людей, имена которых поместили на надписи. Абурсам тем самым предстает перед нами как ближайший, испытанный сподвижник Ардашира, который служил ему на всем протяжении его правления.

На основе сопоставления надписи Шапура с другими источниками можно предложить и несколько других идентификаций. Так, в надписи упоминается некий Мард, занимавший должность главного писца (среднеперс. *дицирпат*, новоперс. *дабирбад*) (74). Занять эту должность мог, как нетрудно понять, только человек компетентный и знающий. Здесь вспоминаются строки *Шах-намэ*:

«Человек, менее других наделенный искусством каллиграфии и умом, не ходил [на службу] в ведомство писцов (*диван*) царя Ардашира. Такие служили при начальниках, а тот, кто хорошо владел пером, оставался при повелителе. Ардашир же стал восхвалять (богов. — *Д.М.*), когда увидел при дворе писца Марда» (75).

Видимо, именно таланты Марда привели к тому, что он был назначен главным писцом, а впоследствии — увековечен в надписи Шапура.

Еще одна интересная аналогия обнаруживается между надписью Шапура и упомянутым выше греческим текстом Агафангела. В этом источнике упоминается о человеке по имени Зик, который после выступления Ардашира против парфян был послан на переговоры с Ардаваном (76). В надписи Шапура упоминается сановник Зиг, служивший отцу Ардашира в качестве стольника (77). На такой должности, как нетрудно понять, мог находиться только абсолютно преданный

правителю доверенный человек: ведь именно он контролировал яства, предназначенные для царского стола. Именно такой человек как нельзя лучше подходил для выполнения столь ответственной и деликатной миссии, как переговоры с царем, против власти которого восстал Ардашир.

При изучении эпохи Ардашира трудно делать однозначные выводы: у нас мало источников, относящихся к тому времени, многие сведения носят легендарный характер. При таких обстоятельствах некоторые выводы неизбежно будут иметь характер допущений. Но одно не подлежит сомнению: Ардаширу удалось найти опору во всех слоях знати (персидская, парфянская, удельные правители), а также среди духовенства. Это обеспечило объединение страны и стало залогом устойчивости сасанидской монархии, которая после смерти Ардашира просуществовала более четырех столетий и пала лишь под ударами завоевателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Сложившаяся академическая традиция требует указания годов правления. Применительно к Ардаширу сделать это затруднительно вследствие неясности хронологии ранних Сасанидов. Соображения относительно дат правления Ардашира автор предполагает изложить в отдельной статье. По наиболее распространенным в литературе хронологиям правление Ардашира заняло период с 226 по 241 или с 223 по 239 гг. См. напр. *The Cambridge History of Iran*. — Vol. 3(1). — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — P. 119.
- (2) *Pahlavi Texts. Part I. The Bundahis* — Bahman Yast, and Shāyast lā-Shāyast (The Sacred Books of the East. Vol. V). — Delhi, Varanasi, Patna: Motilal Banarsidass, 1970. — P. 199.
- (3) *Ibid.* — P. 193, 198—199.
- (4) Ибн Исфандияр. *Тарих-и-Табаристан*. — Тегеран: Чапханэ-йе-Маджлис, 1941. — Т. 1. — С. 43.
- (5) Agathangelos. *Acta SS. Gregorii ep., Ripsimes V. et soc. MM.* // *Acta Sanctorum Septembris*. — Antwerpen: B.A. vander Plassche, 1762. — P. 321—322.
- (6) Агатангелос. *История Армении*. — Ереван: Наири, 2004. — С. 29. Речь идет о составленной из представителей знати тяжеловооруженной коннице, которая была основой войска.
- (7) Deux historiens arméniens. Kiracos de Gantzac, XIIIe s., *Histoire d'Arménie*; Oukhtanès d'Ourha, X s., *Histoire en trois parties*. — St.-Petersbourg: Académie Impériale des Sciences, 1870. — P. 249.
- (8) Strabo. *The Geography*. Vol. VII. — London: William Heinemann Ltd., New York: G.P. Putnam's Sons, 1930. — P. 188—189.
- (9) Об этом см.: *The Cambridge History of Iran...* — P. 117—118.
- (10) *The Karnamak i Artakhshir i Papakan*. — Tehran: Danesh, 1950. — P. 1 (пехлевийский текст).
- (11) *Die Chronik von Arbela*. — Berlin: Verlag der Königlichen Akademie der Wissenschaften, 1915. — S. 56.
- (12) *Nyberg H.S. A Manual of Pahlavi*. P. 1. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964. — P. 116.
- (13) *The Karnamak...* — P. 1 (пехлевийский текст).
- (14) Dio Cassius. *Roman History*. Vol. IX. — London: William Heinemann Ltd., Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1955. — P. 218/219; Herodianus. *Ab excessu divi Marci libri octo*. — Leipzig: B.G. Teubner, 1855. — P. 87; Ioannes Zonaras. *Epitome historiarum*. Vol. III. — Leipzig: B.G. Teubner, 1870. — P. 102.
- (15) Dio Cassius. *Op. cit.* — P. 340/341; Ioannes Zonaras. *Op. cit.* — P. 113.

- (16) Mirkhond. *Histoire des Sassanides*. — Paris: Firmin Didot frères, 1843. — P. 174.
- (17) At-Tabari. *Annales. Prima series, II*. — Leiden: E.J. Brill, 1964. — P. 815—816. В арабском тексте ат-Табари употребляется глагол амара. Его основное значение — приказывать, велеть, но едва ли можно предполагать в Ардашире столь явную непочтительность к отцу. Более вероятно, что глагол амара используется в данном случае в побочном значении — советовать, указывать на то, что следует делать. Об этом значении см. *Lane E.W. An Arabic-English Lexicon. Book I. Part 1*. — London, Edinburgh: Williams and Norgate, 1863. — P. 95. Судя по контексту, однако, Ардашир не только советовал, но и призывал, чем и объясняется предлагаемый нами перевод «увещевая».
- (18) *The Karnamak...* — P. 16 (пехлевийский текст).
- (19) At-Tabari. *Op. cit.* — P. 816.
- (20) Agathangelos. *Op. cit.* — P. 322.
- (21) *The Karnamak...* — P. 24. 44 (пехлевийский текст); at-Tabari. *Op. cit.* — P. 816; Ferdowsi. *Shahname. Vol. 7*. — Teheran: Beroukhim, 1935. — P. 1953—1957.
- (22) Herodianus. *Op. cit.* — S. 147; Zosimus. *Historiae*. — Bonn: Ed. Weber, 1837. — P. 21; Agathias. *Historiarum libri quinque*. — Bonn: Ed. Weber, 1828. — P. 122.
- (23) Мовсес Хоренаци. *История Армении*. — Ереван: Айастан, 1990. — С. 118—119.
- (24) *Honigmann E., Maricq A. Recherches sur les Res gestae divi Saporis // Lettres*. — Т. XLVII, fasc. 4. — 1952. — P. 17.
- (25) Ammien Marcellin, Jornandès, Frontin (*Les stratagèmes*), Végèce, Modestus. — Paris: Firmin Didot, 1869. — P. 214.
- (26) *Honigmann E., Maricq A. Op. cit.* — P. 17.
- (27) Согласно «Книге деяний Ардашира», число правивших на тот момент в Иране царей достигало двухсот сорока (*The Karnamak...* — P. 1 (пехлевийский текст)). Это, конечно, гипербола, однако, она отражает вопреки этому времени в обществе как эпохи многочисленных мелких царьков.
- (28) Dinkart. *Books 4—9. Part 1*. — Shiraz: Asia Institute of Pahlavi University, 1976. — P. 21; Dinkart. *Books IV & V*. — Shiraz: Asia Institute of Pahlavi University, 1976. — P. 22. По сложившейся академической традиции мы здесь и далее будем приводить транслитерацию текста: *Ān-i Artaxšatr šāhān šāh Pāpakān pargantakīh zī-š x(v)atayīh az čand abītar ut niyāk rād pat dahyūpatīh kamsačakīh*.
- (29) В одном источнике говорится о девяноста погибших правителях (*Hamza Ispahanensis. Annalium libri X*. — St.-Petersburg: sumptibus editoris, 1844. — P. 46), в другом — о восьмидесяти (*Ibnu'l Balkhī. The Fārsnāma*. — Cambridge: University Press, 1921. — P. 60).
- (30) *Die Chronik von Arbela...* — S. 62.
31. Под Авринахом понимается, видимо, Абаршахр (Нишапур), названный так по имени Аварнака, легендарного правителя той области. См.: *Pahlavi Texts...* — P. 139.
- (32) *Honigmann E., Maricq A. Op. cit.* — P. 17.
- (33) At-Tabari. *Op. cit.* — P. 817.
- (34) Agathias. *Op. cit.* — P. 260—261.
- (35) Ibn Qutayba. *Kitāb al-mā'arif*. — Le Caire: Ministère de la culture et de l'éducation nationale, 1960. — P. 653; at-Tabari. *Op. cit.* — P. 820; Euty chius Patriarcha Alexandrinus. *Annales. Pars prior*. — Beirut: E typographeo catholico, 1906. — P. 106; al-Tha'ālibī. *Histoire des rois des Perses*. — Paris: Imprimerie nationale, 1900. — P. 481. Ср. Ferdowsi. *Op. cit.* — P. 1983.
- (36) Ибн Исфандияр. *Указ. соч.* — С. 41.
- (37) *The Karnamak...* — P. 21 (пехлевийский текст).
- (38) Под Тураном понимается здесь не земля тюрок (в противоположность Ирану как земле персов), а область исторического Синда. О последней см., напр.: *al-Istakhrī. Viae regnorum*. — Leiden: E.J. Brill, 1927. — P. 171.
- (39) At-Tabari. *Op. cit.* — P. 820.

- (40) Мовсес Хоренаци. Указ. соч. — С. 116.
- (41) Agathangelos. Op. cit. — P. 325.
- (42) *Hoffmann G.* Auszüge aus syrischen Akten persischer Märtyrer. — Leipzig: F.A. Brockhaus, 1880. — S. 9.
- (43) The Karnamak... — P. 1 (пехлевийский текст).
- (44) *Herzfeld E.* Paikuli. Monument and Inscription of the Early History of the Sasanian Empire. — Berlin: Dietrich Reimer / Ernst Vohsen, 1924. — P. 103, 109, 115. В той же надписи перечислены некоторые из подчинявшихся персам удельных царей. См.: Ibid. — P. 119.
- (45) Ал-Масуди. Китаб Мурудж аз-Захаб ва Маадин ал-Джаухар фи-т-Тарих. Т. 1. — Каир: Илтизам Абд ар-Рахман Мухаммад, 1346 х. — С.110.
- (46) Мовсес Хоренаци. Указ. соч. — С. 107.
- (47) *Djâhiz.* Le livre de la couronne (Kitab el Tadj). — Le Caire: Imprimerie nationale, 1914. — P. 24; ал-Масуди. Указ. соч. — С. 151.
- (48) Ибн Исфандияр. Указ. соч. — С. 18.
- (49) At-Tabari. Op. cit. — P. 815—816.
- (50) Ibid. — P. 814.
- (51) Ibid. — P. 819.
- (52) Agathias. Op. cit. — P. 122.
- (53) Ibn Qutayba. 'Uyûn al-Ahbâr. Vol. 1. — Cairo: National Library Press, 1996. — P. 7.
- (54) *Mordtmann A.D.* Erklärung der Münzen mit Pehlvi-Legenden. — Leipzig: Wilh. Vogel, Sohn, 1853. — S. 32—33.
- (55) Dinkart. Books 4—9. Part 1. — P. 21; Dinkart. Books IV & V. — P. 22. Ut dîn akāsân apar pîš-č matan gûft-č i dîn akāsân aviš akās bûtand ân-i ân angûn gēhân sût apāč arāyišnīh pat x(v)arr.
- (56) Ibnu'l Balkhī. Op. cit. — P. 61.
- (57) По причинам, изложенным выше, мы не затрагиваем здесь вопрос о Тансаре, который в некоторых источниках именуется хирбедом (см. ниже).
- (58) Hamza Ispahanensis. Op. cit. — P. 23.
- (59) См. начало настоящей статьи, а также следующую цитату.
- (60) Буквально — из Авесты.
- (61) Очевидно, имеются в виду книги как духовные сокровища.
- (62) Dinkart. Book III. — Shiraz: Asia Institute of Pahlavi University, 1976. — P. 324. Pat akāsīh i az pīšanīk gūft hast ân-i Artaxšatr šahān šāh Pāpakān mat ō apač arāstarīh Ērān x(v)atayīh ham nipīk az pargandakīh ō ēvak dānāk aburt tan pōryōtkēš ahrōb Tōsar hērpat būt apar mat apak pītākīh az Apīstak apač handāxt az ân pītākīh bavandak yūyatak framūt ut gumānak-kart hangōšītak az brāh az būn rowšan pat ganj-i Šarīkān dāšt pačīn passačakīhā frahēnītan framūt akāsīh. Шаспикан (здесь в тексте — Шапикан) — царское книгохранилище.
- (63) В тексте буквально «факихи» (*ахл ал-фикх*), однако это явная ошибка: мусульманский писатель переносит на эпоху Ардашира реалии своего времени.
- (64) В этом месте снова используются мусульманские понятия: *ад-дин ва-с-сунна*.
- (65) Al-Maqdisi. The Book of Creation and History. Vol. 3 — Tehran: M.H. Asadi, 1962. — P. 156. Cp. al-Tha'ālibī. Op. cit. — P. 485.
- (66) At-Tabari. Op. cit. — P. 816.
- (67) Mudjmal at-tawārīkh wa-l-qīsas. Eine persische Geschichte aus dem 12 Jahrhundert. — Edingen-Neckarhausen: Deux Mondes, 2000. — S. 74.
- (68) Al-Tha'ālibī. Op. cit. — P. 485.
- (69) Die Chronik von Arbela... — S. 62.
- (70) *Grignaschi M.* Quelques spécimens de la littérature sassanide conservés dans les bibliothèques d'Istanbul // Journal asiatique. — T. CCLIV. — Année 1966. — Paris: Imprimerie nationale, 1967. — P. 49. Данное высказывание приписывается Ардаширу и в целом ряде других

источников. См. Ibn Qutayba. 'Uyūn al-Ahbār. — Vol. 1. — P. 13; *ал-Масуду*. Указ. соч. — С. 154; Ferdowsi. Op. cit. — P. 1995—1996; al-Tha'ālibī. Op. cit. — P. 483; Mirkhond. Op. cit. — P. 177.

- (71) Agathias. Op. cit. — P. 122.
- (72) *Honigmann E., Maricq A.* Op. cit. — P. 17.
- (73) *At-Tabari.* Op. cit. — P. 814.
- (74) *Honigmann E., Maricq A.* Op. cit. — P. 17.
- (75) Ferdowsi. Op. cit. — P. 1982.
- (76) Agathangelos. Op. cit. — P. 322.
- (77) *Honigmann E., Maricq A.* Op. cit. — P. 17.

THE STATE OF ARDASHIR I PAPAN AND ITS SUPPORTS

D.Ye. Mischin

Centre of Arabic Studies

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Rozhdestvenka St., 12 Moscow, Russia, 103031

This article deals with a crucial period in the history of early mediaeval Iran, that of the reign of Ardashir I Papakan, the founder of the Sasanid state. The goal of the study consists in identifying social and political forces which supported the new state, and examining their relationship. The work presents a comparative analysis of data coming from the Sasanid times and information preserved in later narrative sources.

Key words: early mediaeval Iran, Ardashir I Papakan, the Sasanids, the Sasanid times, the narrative sources.